

Ноября 10 (23)

Священномученики
Прокопий (Титов),
архиепископ Одесский и Херсонский,
и Иоанн (Скадовский)

Священномученик Прокопий (в миру Петр Семенович Титов) родился 25 декабря 1877 года в семье священника города Кузнецка Томской губернии. Когда Петру исполнилось девять лет, он поступил в духовное училище, а затем в семинарию города Томска, которую окончил в 1897 году. В 1901 году Петр Семенович окончил Казанскую Духовную академию и был определен преподавателем Томского Духовного училища; на этой должности он пробыл несколько месяцев. 21 августа 1901 года в Успенском монастыре города Уфы он был пострижен в монашество с наречением имени Прокопий, 23-го – рукоположен в сан иеромонаха. После этого он получил назначение на должность заведующего Томской церковно-учительской мужской школы при архиерейском доме. Школа состояла из четырех классов, и в нее после предварительных экзаменов принимались мальчики от двенадцати до пятнадцати лет, окончившие одноклассную школу. Задача школы состояла в том, чтобы за четыре года дать все необходимые сведения для учителя одноклассной школы. Преподавательский коллектив школы состоял из заведующего и законоучителя, должность которых исполнял иеромонах Прокопий, священника-законоучителя, семи учителей и эконома. Учащихся было около ста пятидесяти человек. Томская церковно-учительская школа в соответствии с решением Святейшего Синода должна была готовить учителей для Томской, Омской, Тобольской и Енисейской епархий.

Одним из главных элементов религиозно-нравственного воспитания учеников было участие в богослужениях; они посещали все воскресные и праздничные богослужения при архиерейском доме, участвуя в церковном пении и чтении. Ученики двух старших классов, изучающие церковный устав, поочередно посещали будничные богослужения. По воскресным дням в школе устраивались религиозно-нравственные чтения, в которых принимали участие не только учителя, но и наиболее способные ученики. При церковно-учительской школе существовала воскресная школа, которой также руководил иеромонах Прокопий.

В это время во главе Томской епархии стоял выдающийся миссионер и просветитель Алтая епископ Макарий (Невский), который был инициатором многих церковных мероприятий в епархии, и в частности основателем церковно-учительской школы.

«Для расширения возможности влиять на общество проповедью, – писал Харлампович в брошюре о епископе Макарии, – епископ Макарий завел в Томске, в зале своего дома, читальню, в которой по воскресным дням в течение всего года, более десяти лет, преподавались уроки веры, состоящие из объяснений евангельских чтений и церковного учения, а также сообщались исторические и географические сведения о русской земле и государстве и читались сведения о войне и других современных им событиях...

В 1903 году собрания лекторов, сходявшихся по понедельникам в комнатах владыки для "считки", преобразовывались в пастырские собрания томского духовенства и преподавателей духовно-учебных заведений, происходившие еженедельно, чаще всего под председательством самого преосвященного Макария».

В этих пастырских собраниях принимал самое активное участие иеромонах Прокопий. Причем на собраниях по инициативе преосвященного Макария обсуждались все насущные и острые вопросы церковной жизни епархии. Эти собрания были для всех весьма полезными. Например, на собрании, состоявшемся 2 сентября 1905 года в приемном зале епископа, владыка поставил на обсуждение вопрос: в чем заключается нравственная связь между прихожанами и пастырем, которая составляет необходимый признак правильной приходской жизни. В чем причина разъединенности между пастырем и приходом, и каким образом ее устранить. Произошло обсуждение этих вопросов, причем владыка справедливо указал на недостаточное сообщение пастырей между собой и предложил устранить этот недостаток с помощью благочиннических съездов, убедительно показав, что это наилучший способ добиться единства среди самих пастырей. Иеромонах Прокопий высказал мысль, что надо бы Церкви иметь епископов не только во главе огромных епархий, но и руководителями церковных единиц, равных уездам; в этом случае они способствовали бы объединению пастырей.

«В общепархиальной деятельности епископа Макария на видном месте стояла его забота о приготовлении достойных пастырей и учителей народа, в частности его близкие отношения к духовно-учебным заведениям. Но, утверждая в питомцах их веру в Бога и ограждая их "от вторжения с улиц вредных нравов", преосвященный "далек от мысли заслонить их от жизни и запереть в стенах отсталости". Он предоставлял своим соратникам вести учебно-воспитательное дело, соображаясь с назревшими потребностями времени. При его благожелательном участии двери томских духовных и церковно-учебных заведений – раньше многих других русских духовно-учебных учреждений – открылись для современной светской науки и искусств...

Основанное в 1891 году, Томское епархиальное училище настолько расширилось, что явилась нужда в новом здании для него, которое было воздвигнуто заботами епископа Макария. При нем же расширены помещения мужского духовного училища, что дало возможность удвоить число пользующихся удобствами училищного общежития. Наконец, в заслугу епископу Макарию ставят и то, что при его самой деятельной помощи Томская семинария, сорок лет скитавшаяся по частным квартирам в различных уголках и закоулках города, нашла "покойный, удобный, просторный и светлый приют в роскошном здании, на просторе громадного поместья".

Наряду с заботами о просвещении детей духовенства, у преосвященного Макария стоял вопрос о религиозном образовании и воспитании народа, поставленный при нем с небывалой для Томской епархии широтой. До прибытия его в Томск даже в самом городе не было церковных школ, – при нем Томская епархия по числу их заняла первое место среди других Сибирских епархий. Подчиненному духовенству он дал хороший пример, открыв школу грамоты при своем архиерейском доме. Школа эта с течением времени выросла во второклассную, а затем в церковно-учительскую, помещающуюся в солидном двухэтажном каменном здании близ архиерейского дома»¹.

В 1906 году иеромонах Прокопий был назначен на должность преподавателя Иркутской Духовной семинарии, ректором которой был тогда архимандрит Евгений (Зернов). В 1909 году иеромонах Прокопий был включен в состав комиссии по освидетельствованию останков святителя Софрония Иркутского, по молитвам которого происходили многочисленные чудеса и исцеления. 30 августа 1909 года иеромонах Прокопий был возведен в сан архимандрита и назначен на должность помощника заведующего пастырского училища в городе Житомире.

С искренним сожалением прощались с отцом Прокопием ректор семинарии архимандрит Евгений, преподаватели, учащиеся и духовенство Иркутска. Характеризуя его труды, церковные деятели Иркутска писали, что он являлся одним из самых вдохновенных проповедников города. Для того, чтобы послушать его в собраниях церковного Иркутского Братства во имя святителя Иннокентия, сходились сотни людей. Во все праздники он служил акафисты в Крестовой архиерейской церкви, причем его служение отличалось большой молитвенностью, и после каждой службы он произносил глубоко назидательное слово. Прихожане настолько полюбили его, что во время последней службы и проповеди многие искренне плакали. Отец Прокопий был вдохновителем и организатором благотворительного отдела при Братстве святителя Иннокентия. Благодаря главным образом его трудам, удалось помочь многим беднякам. Отмечая при прощании деятельность отца Прокопия в качестве преподавателя семинарии, архимандрит Евгений сказал:

«Преподавание Священного Писания в настоящее время – труд весьма тяжелый, при той холодности, какая нередко наблюдается в учащих к этому предмету, и надо иметь много ума, любви и старания, чтобы им заинтересовать учеников и заставить относиться к нему если не с любовью, то во всяком случае с вниманием и уважением. И вы этого достигли. В этом отношении немалое значение имела ваша личность, как человека доброго, искреннего и последовательного. Ученики не могли не понять, что то, чему вы учили, – для вас не звук, а жизнь, и что вы стремитесь не только научить, но и воспитать. Честь и слава вам за это»².

Основание в 1908 году при Богоявленском монастыре в городе Житомире стараниями архиепископа Волынского Антония (Храповицкого) пастырского училища стало одним из крупнейших церковных событий в жизни Волыни. Училище пастырства ставило своей специальной целью не только образовывать учащихся, но, прежде всего, воспитать добрых пастырей Православной Церкви через преподавание необходимых для пастыря знаний, а также через прохождение ими необходимых служителю Божию подвигов христианской жизни и деятельности. Имея такую цель, училище собрало в своих стенах не детей и подростков, но лишь взрослых, сознательно определивших свое жизненное поприще. В училище принимались или женатые люди, собиравшиеся стать пастырями, или монахи, или послушники, имеющие намерение принять монашеский постриг. Все преподаватели училища были в священном сане, а ученики носили духовную одежду. Быт училища, организованного в стенах монастыря, был приближен к монастырскому – с общей молитвой, участием по очереди в ежедневных службах и чтением житий на трапезе. В училище могли поступить все, окончившие курсы церковно-учительской школы, учительской семинарии и вообще средние учебные заведения. Начальник училища и учителя представляли собой не столько ученую корпорацию, сколько духовное братство,

объединенное строгим послушанием начальнику и общей взаимной любовью. Большая часть преподавателей состояла из священноиноков, но были и протоиереи и священники. Учителя поочередно проводили день с учениками, с ними молились, трапезовали и спали среди них. В училище преподавались: Священное Писание, патрология, номоканон, церковное пение, церковная живопись, архитектура, церковная география, церковная история, учение о духовной жизни, богословие общее и богословие полемическое. Срок обучения в училище был трехгодичный.

В 1913 году училище посетил обер-прокурор Святейшего Синода Владимир Карлович Саблер, на которого жизнь училища произвела большое впечатление. Подводя итоги своего посещения, обер-прокурор, обращаясь к учащимся, сказал: «Не взирая на окружающий вас городской соблазн, с его безнравственной атмосферой, громом музыки и треском кинематографов, вы в своем тихом уединении за монастырской стеной, своими незримыми подвигами и молитвой приносите Богу единую яркую лампаду... Это воистину – училище благочестия!»

Подводя итоги своей поездки, обер-прокурор написал: «Великая будет польза от учреждения подобных училищ в других епархиях. Добрые начала церковного учительства и воспитания на христианских началах благочестия, положенные в основание этого учреждения, последовательно проводятся в повседневную жизнь училища и дают благие плоды, как о том свидетельствуют архипастыри, предоставившие приходы окончившим училище кандидатам священства»³.

В 1914 году пастырское училище посетил председатель учебного комитета при Святейшем Синоде архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский). Подробно ознакомившись с жизнью и уставом училища, архиепископ пришел к выводу, что его устав должен быть положен в основу общего устава для всех пастырских школ в России и стать обязательным для всех.

Жизнь училища за все шесть лет пребывания в нем архимандрита Прокопия в качестве помощника начальника не знала со стороны учеников каких-либо проступков. Напротив, их приходилось удерживать от чрезмерного прилежания к учению и молитве. Огромная заслуга в организации духовной жизни училища принадлежала архимандриту Прокопию. Он был вдохновенным преподавателем и проповедником. Его лекции и проповеди производили неотразимое действие на души слушателей. Преподавание им предметов аскетики, полемического и пастырского богословия было вдохновлено аскетическим жизнепониманием, восприятием жизни как христианского подвига благочестия, подвига духовной борьбы. Слушатели не отрываясь, по несколько часов подряд, несмотря ни на какую усталость, жадно ловили каждое слово вдохновенного учителя. Современники писали о нем, что его отношение к подчиненным и сослуживцам всегда отличалось полной определенностью: непобедимой верностью своим убеждениям и отеческой снисходительностью. Они писали о нем: «Образ отца Прокопия, его блестящий огнем праведности взгляд, с милой и всепрощающей улыбкой на добром открытом русском лице, навсегда запечатлелся в душах знавших его»⁴.

30 августа 1914 года архимандрит Прокопий в кафедральном соборе Одессы был хиротонисан во епископа Елисаветградского, викария Одесской и Херсонской епархии.

При наречении его во епископа Елисаветградского архимандрит Прокопий сказал: «Служение епископское поистине есть подвиг и труд. Прошло время

спокойствия в нашей церковно-общественной жизни, когда внешние наблюдатели полагали, что епископский сан несет с собою лишь величие положения и всеобщее почитание. Теперь ясно стало всем, что в наше время повсеместной сектантской вакханалии и хлыстовского психоза, поддерживаемого многими общественными кругами, всякому человеку, имеющему хоть малую долю чувства пастырского душепопечения и сострадания к заблуждающимся и погибающим, епископское служение несет многие скорби и непрестанные труды, налагает великий подвиг, требует, чтобы добрый пастырь забыл о себе, о своем покое и удобствах и преимуществах жизни, отдал бы все силы свои на служение Божией Церкви, на защиту ее от нападений вражиих, обуревающих волнами страстей человеческое общество...

Но главный труд святительский заключается как бы в усугублении подвига общехристианского, подвига очищения своего сердца и жизни добродетельной, терпения, любви и снисхождения к немощам братьев и чад духовных, несовершенных, но грядущих ко спасению; подвига смирения и непревозношения пред меньшими, несмотря на высоту сана. Ведь если архипастырь должен научить пасомых добродетели поста и благодатной молитвы, он сам должен непрестанно возносить свои сердечные воздыхания ко Господу, пребывая в посте и воздержании. Чтобы не допустить чад своих до превозношения и гордыни, он сам должен явить пример Христовой кротости, терпения и любви, и только своим смирением посрамит он гордыню человеческую. И потому, хотя епископ и не может быть совершенно чужд всякой немощи, греха и нечистоты, ибо "несть человек, иже жив будет и не согрешит", но во всяком случае он должен непрестанно трудиться и подвизаться добрым подвигом всей своей жизни ради очищения сердца, искоренения страстей, изгнания всякой нечистоты чрез непрестанное самоукорение, молитву, постное воздержание и труд. Но посему-то святой апостол Павел и пишет апостолу Тимофею: "аще кто епископства хочет, добра дела желает" (1 Тим. 3, 1); ибо таковой желает подвига благочестия, чистоты и святости»⁵.

Епископ Прокопий был участником Всероссийского Поместного Собора 1917/18 годов, восстановившего патриаршество в Русской Православной Церкви. На Соборе епископ Прокопий сделал доклад о святителе Софронии Иркутском и подписался под актом о причислении его к лику святых. Тогда же, на Соборе, епископ был назначен наместником Александро-Невской Лавры в Петрограде. Указом от 26 января 1918 года он был освобожден от настоятельства и назначен епископом Николаевским, викарием Одесской епархии. В 1921 году он стал епископом Одесским и Херсонским. С этого времени началась его активная деятельность как православного архипастыря в условиях гонений на Русскую Православную Церковь. Чистота и безупречность его нравственной жизни, твердые убеждения святителя, подвижническая личная жизнь – все это создало ему репутацию архипастыря высокой духовной жизни.

В 1922 году большевики начали ожесточенную борьбу с Православной Церковью, используя для этого обновленческое движение. 16 февраля 1923 года епископ Прокопий был арестован и заключен в Херсонскую тюрьму, а 26 августа был переведен в Одесскую тюрьму. Впоследствии, излагая следователю историю своего ареста в Херсоне, владыка Прокопий сказал: «В 1923 году в связи с появлением в Церкви обновленчества, к которому я по своим убеждениям не примкнул, я был привлечен к суду за содействие белым; меня обвиняли в том, что я для белых устраивал молебствия и сбор пожертвований. Последние

устроивали в церквях, но не по моему распоряжению, а по распоряжению управляющего епархией епископа – викария Алексея Баженова, который сейчас служит обновленческим митрополитом в Казани. Он к ответственности привлечен не был, потому что был тогда уже обновленцем. Местные правительственные органы к новым течениям- ориентациям церковного характера относились лучше, нежели к Церкви. Им больше давалось привилегий в отдаче храмов: группа верующих небольшая, а им давали храм, а в нем отказывали нашей группе. Им легче разрешали созыв собраний... Пример следующий относительно Алексея Баженова: его к ответственности не привлекали, а других, одинаково виновных, привлекли».

Епископ Елисаветградский Прокопий

Популярность епископа Прокопия была столь велика, что православное население города Херсона выбрало большую группу уполномоченных, чтобы хлопотать об освобождении святителя. Ими было подано прошение Патриарху Тихону с просьбой ходатайствовать об освобождении епископа Прокопия. Они писали: «Осмеливаемся ходатайствовать перед Вашим Святейшеством о направлении по адресу прилагаемого обращения нашего к советской власти об освобождении нашего дорогого архипастыря епископа Прокопия (Титова) и об оказании возможного содействия с Вашей стороны к наискорейшему возвращению епископа Прокопия к его любящей пастве». 25 октября 1924 года ходатайство Патриарха было подано в ОГПУ.

Епископ Прокопий был приговорен к расстрелу, который заменили высылкой за пределы Украины. 12 января 1925 года он был освобожден и выехал в Москву. В это время Патриарх Тихон предпринимал хлопоты, касающиеся легализации Синода Русской Православной Церкви, в состав которого был

включен и епископ Прокопий. 7 апреля Патриарх Тихон скончался. Епископ Прокопий участвовал в погребении Святейшего и в избрании митрополита Петра (Полянского) на пост Местоблюстителя в соответствии с завещательными распоряжениями почившего Патриарха.

Вместе с некоторыми другими архиереями епископ Прокопий принимал активное участие в помощи Местоблюстителю в делах по управлению Русской Православной Церковью. В июне 1925 года епископ Прокопий был возведен в сан архиепископа Одесского и Херсонского.

Осенью 1925 года власти провели акцию по уничтожению канонического возглавия Русской Православной Церкви, в результате которой были арестованы десятки выдающихся архиереев во главе с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром. Среди других 19 ноября 1925 года был арестован и архиепископ Прокопий⁶.

Следователь во время допроса спросил, навещал ли архиепископ бывшего обер-прокурора Синода Саблера и какие церковные вопросы они обсуждали. Архиепископ Прокопий ответил: «За время моего пребывания в Москве я был у Владимира Карловича Саблера, насколько помнится, три раза. Пошел я его навестить в первый раз приблизительно в марте 1925 года, причем никакой особой причины к этому посещению не было, кроме желания несколько утешить старца. Второй раз я был у него весной или в начале лета 1925 года. Никого у него не встретил. Беседа шла вокруг недавних церковных событий – погребения Патриарха и его последнего послания (или, как его называли в газетах, завещания). Говорили о завещании Патриарха. Суждение наше по этому поводу было таково: тон послания и изложение местами неудачны. Самый стиль не патриарший, и не выдержанный, и недостаточно солидный. Что же касается некоторых моментов практического характера, как например суда над заграничными церковниками, то тогда по этому вопросу разговора не было. Вероятнее всего, в этот же раз зашел разговор о заграничниках вообще, причем Саблер с прямым осуждением относился к Карловацкому собору и к эмиграции, а также к затее Кирилла⁷, назвав его даже "мерзопакостным". В каком отношении и в чем его "мерзопакостность", я не спрашивал, а он сам не говорил.

Во время моего последнего визита к Саблеру, бывшему в октябре месяце, приблизительно в половине этого месяца, говорил я с ним по поводу текущего церковного положения; говорили о взаимоотношениях Церкви с государством, об обновленцах, о неприличном поведении епископа Бориса (Рукина. – И. Д.) в отношении митрополита Петра, о его интригах⁸, наконец, о митрополите Михаиле (Ермакове. – И. Д.), который к этому времени начал подписываться "Киевским митрополитом" и носить две панагии, о возможностях легализации. К затеям митрополита Михаила Саблер отнесся отрицательно. Что же касается вопроса о легализации Церкви, то говорили о невозможности церковного суда над эмигрантским духовенством как о главном препятствии к легализации⁹. Нам представлялось, что этот суд невозможен, во-первых, в силу малой авторитетности Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и, во-вторых, в силу невозможности по каноническим правилам заочного суда. При прощании Саблер просил меня передать митрополиту Петру поклон и сказать, что он, Саблер, за него, Петра, молится, советует ему надеяться и быть терпеливым в этом вопросе, ожидая, что власть со временем сама уверится в лояльности Церкви и легализует ее. Этот поклон Саблера и его слова я передал митрополиту Петру при последнем его посещении, бывшем в начале ноября 1925 года».

26 мая 1926 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архиепископа Прокопия к трем годам заключения; он был отправлен вместе с арестованным по тому же делу епископом Амвросием (Полянским) в Соловецкий концлагерь. В декабре 1928 года власти без предъявления нового обвинения приговорили его и епископа Амвросия к трем годам ссылки на Урал, они были сосланы сначала в Тюменский округ, а затем в Тобольский.

«Когда мы ехали из Соловков в ссылку, нас от Ленинграда сопровождала Екатерина Владимировна Скадовская, которая приехала из Херсона послужить нам. Дорогой мы шли этапом, а она ехала свободно. На остановках – в доме заключения – приносила нам передачи. И так от Ленинграда с нами доехала до города Тобольска.

В городе Тобольске нас всех троих – меня (архиепископа Прокопия. – И. Д.), епископа Амвросия Полянского и священника Иоанна Скадовского – арестовали и предъявили обвинение в антисоветской агитации, и главным образом в том, что мы будто бы ругали местное духовенство, что оно бездействует. Тут же при аресте во время обыска была найдена церковная литература – рукописная и напечатанная на машинках, которая характеризовала общее состояние церковной жизни по отдельным течениям, где, конечно, касалась и существующего политического строя в вопросе об отношениях Церкви и государства.

Нас продержали в изоляторе в городе Тобольске полтора месяца, после чего за прекращением дела мы были освобождены. Нас направили в село Обдорск, Скадовская поехала обратно в Херсон. В Обдорске мы прожили месяц. Меня назначили в село Мужы, а Полянского в село Шурышкары.

В Мужах я прожил пять-шесть дней, а оттуда был направлен в Киев, где прожил с 1929 года по июль 1931 года. В Мужах мы сначала остановились у Дьячкова, на второй же день перешли на квартиру, кажется, к Коневой. Там я познакомился с Христинией Терентьевой, членом церковного совета. Я у нее бывал в доме, когда только приехал в Мужы и когда приезжал в Мужы из Киева по своим личным делам. С ней объясняться очень трудно, так как по-русски она говорит неважно. Была один раз и она у меня, заходила ко мне в квартиру, так как я договорился, чтобы она получала с почты всю мою корреспонденцию и переотправляла мне. Она этим оказывала мне большую услугу.

Ко мне в Киев приезжала Екатерина Владимировна Скадовская из города Херсона в октябре 1929 года. Она мне тогда привезла продуктов, церковное облачение и церковную утварь, в том числе и антиминос. Антиминос она взяла для меня в моей епархии, и мне отказать по существу никто не может, так как я никем не устранен от управления епархией и не лишен сана архиепископа Херсонской епархии. Когда я был с ней в Тобольске, я у нее просил привезти (или с кем другим послать) церковную утварь и антиминос, который мне в ссылке необходим. Она мне привезла антиминос и церковную утварь, а также и епископу Амвросию Полянскому, а также и облачение, которое оставила у меня, а я передал Полянскому. Ранее по церковному законоположению антиминосы на руки никому не давались, но в связи с войной и последними событиями мы разрешили духовенству иметь антиминосы на руках».

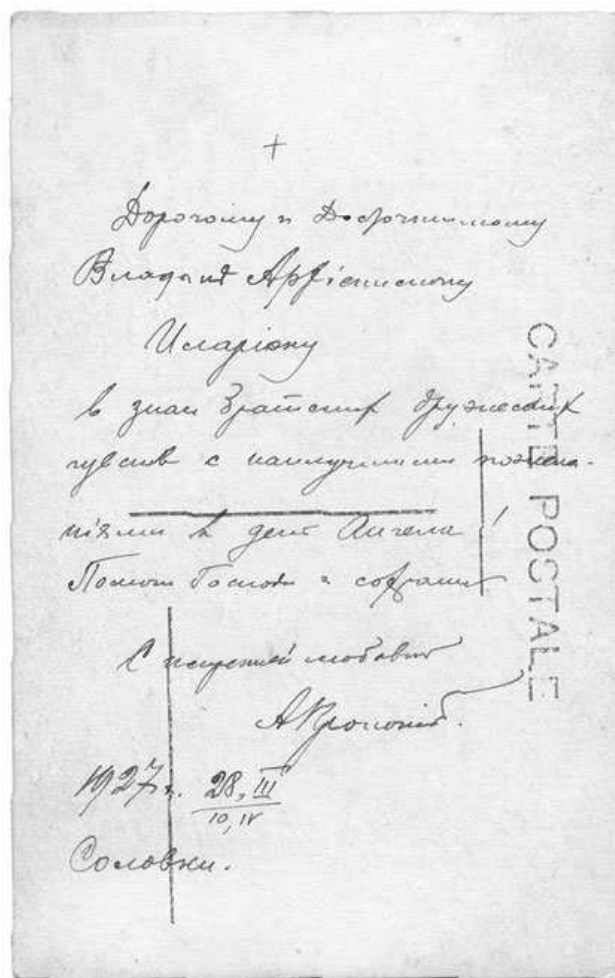
30 июля 1931 года власти в ссылке арестовали архиепископа Прокопия. Стали вызывать на допросы в ОГПУ жителей, чтобы собрать против него обвинительный материал. Был вызван хозяин квартиры, где жил владыка, Дмитрий Ильин. Он показал: «В его разговоре (архиепископа Прокопия. – И. Д.)

проскальзывало недовольство советской властью, что его выслали из своей местности и не дают возможности служить Церкви. Из отдельных конкретных разговоров с ним помню следующее. Он мне рассказывал о причинах своей высылки так: "Советская власть своим декретом отделила Церковь от государства, а сама в церковную жизнь все время вмешивалась и вмешивается. Возьмите закрытие церквей, это происходит под давлением власти... Притесняют служителей... налогами, обвиняют в разных преступлениях... А раз Церковь отделена, им до церковной жизни не должно быть дела, не должны нажимать на верующих, чтобы закрывали церкви; что делается внутри Церкви, их также интересоваться не должно, а то они по-разному относятся к нашим отдельным церковным ориентациям. Например, когда Церковь разделилась на обновленцев и староцерковников, правительство всячески способствовало укреплению обновленцев, а нас, староцерковников, всячески зажимали".

В прошлом году, когда из Хэ увезли митрополита Петра Крутицкого и я ему об этом сообщил, что, вот, увезли митрополита, видимо, освободился, он на это сказал: "Какая разница, что его увезли из одной местности, все равно пошлют в ссылку в другое место. Вот я отбыл срок в Соловках, а после этого, вот видите, послали в ссылку. Отбуду здесь срок ссылки, все равно пошлют в другое место. В данное время нам, духовенству, попавшему и попадающему в ссылку, ссылку никогда не отбыть, нам власть не только не разрешит служить в церквях, но и быть на родине".

Архиепископ Прокопий (Титов)

В 1930 году в селе Мужы стали закрывать церковь. Я ему в беседе сообщил об этом, и он мне сказал: "Это для вас ново, а для меня старо, так как в России и центре закрытие церквей идет уже давно".

Как-то, помню, я толковал с архиепископом Прокопием о вере и о идеях коммунистической партии. Он мне на это сказал: «Для нас не ново то, что сейчас, так как что сейчас делается все идет, как написано в Священном Писании, где говорится, что будет гонение на религию, мы видим это воочию – и терпим это гонение, хотя и несправедливое; ведь мы тоже за братство... Возьмите сейчас коммуны, колхозы. Почему они бывают неудачные? Да потому, что туда попадают лодыри, тунеядцы и всякий сброд. А возьмите монастыри, в них много общего с коммунами... Можно строить колхозы, но не притеснять религию, а в результате такого враждебного отношения к религии и рождаются их колхозы-коммуны. Если бы веру оставили в покое и власть не обращала бы внимания на нее, было бы лучше. Когда народ стал бы культурнее, грамотнее, он сам бы определил, нужна ему вера или нет; и сам бы по себе культурный народ к религии стал бы относиться по-иному, и новым начинаниям она нисколько не помешала».

В 1929 году в Рождество он совершил в своей квартире богослужение, облачился во все облачения и пел так, что во всем доме было слышно. Посторонних у него не было, кроме одной женщины, которая к нему приезжала из Херсона – жена священника, она ему привезла облачение и продукты...

Из местного населения деревни Киеват у него масса знакомых, к которым он приглашается на именины и в случае оказания медицинской помощи, так как у

него масса разных лекарств. Что он там говорил, я не знаю. Но он со всем местным населением сжился, так что не раз говорил мне, что ему здесь хорошо и он чувствует себя как дома. Когда приходят посылки, а они к нему поступают часто, он всегда дает детям подарки. В частности, манной и другой крупы он давал мне и другим, так как зимой крупы в магазине не было».

Следователи вызвали для допроса заключенных тюрьмы; один из них показал: «За время нахождения в камере вместе с арестованным Прокопием Титовым и Амвросием Полянским 15 августа сего года они среди арестованных не стесняясь вели антисоветские разговоры, выражающиеся в том, что Титов говорил: все законы, изданные ВЦИКом, коммунисты не считают себя обязанными выполнять; если будешь от них требовать что по закону, то они тебя арестуют, особенно большую роль здесь играет ОГПУ. Он уверял арестованных в числе десяти человек, что советские законы – это просто бумажки, в этом ему никто из арестованных не возражал. Титов говорил, что... такой власти, как в СССР, не знает история... переполнены тюрьмы, Соловки... честным, трудолюбивым народом...»

Заключенный Василий Ложкин, из раскулаченных, на допросе сказал: «Епископов Прокопия Титова и Амвросия Полянского, которые находятся в одной с нами камере, я знаю, но никаких разговоров от них я не слышал, так как нахожусь все время на внешних работах. Говорят они иногда что-то, но тихонько между собой, так что трудно понять их разговор. По утрам и вечерам они молятся Богу. Иногда читают книги. Больше ничего не слышал, не знаю».

Отвечая на вопросы следователя, архиепископ Прокопий сказал, что «проводимая политика со стороны существующего строя по отношению к религии стесняет церковно-религиозную деятельность, в чрезвычайно тяжелые условия ставит духовенство... я не помню, чтобы кому-либо говорил, что духовенству дают срок ссылки неопределенный, этим желая подчеркнуть, что к нам, духовенству, власти относятся по-иному, нежели к другим. Я лично мог говорить только про себя, так как по общему сложившемуся порядку мне после Соловков дали ссылку, а после ссылки полагается минус. С кем на эту тему говорил, не помню, но возможно, что и с хозяином квартиры».

С хозяином квартиры Ильиным у меня был как-то в шуточной форме разговор, в котором я указывал, "что вы хвалитесь, что коммуны нашли, она была и раньше – общежительные монастыри с внешней стороны во многом сходны с современными коммунами". Серьезного разговора у меня с ним по вопросу коллективизации не было, и своих мнений, предположений, как современную коммуны сделать религиозной, я не высказывал.

Болезненность переживаний новых условий церковной жизни отчасти зависит, несомненно, от того, что перестраивается вся жизнь, меняются все условия, к которым еще не применены формы религиозной жизни».

29 сентября следствие было закончено, и следователь дал прочесть архиепископу обвинительное заключение, в котором, в частности, говорилось: «В Ямальский Окружной отдел ОГПУ поступили сведения, что административно-ссылные епископы Полянский и Титов, находясь в ссылке в селе Мужы в 1929 году, устраивали с местным зырянским и туземным остякским населением широкие связи, сначала на почве ведения бесед на религиозные темы, придавая им антисоветский уклон, одновременно совершали незаконно в домах богослужения, а также проводили явно антисоветскую агитацию».

Впоследствии уполномоченным ОГПУ были переведены Полянский в Шурышкары, а Титов в Киеват, где продолжали ту же самую деятельность, оказывая вредное влияние на окружающие их темные массы, в результате чего лица, находящиеся с ними в наиболее тесных связях, стали активно выступать против проводимых мероприятий советской власти, как например против закрытия церкви, против коллективизации, распространения займов».

Прочитав обвинительное заключение, владыка написал: «В порядке дополнения следствия, со своей стороны считаю необходимым заявить следующее. Мне предъявлено обвинение в "систематической антисоветской агитации", которую будто бы я проводил во время отбывания ссылки в Обдорском районе. Два года ссылки я прожил безвыездно в деревне Новый Киеват (всего пять домов) на одной квартире у местного активиста и советского деятеля, члена Мужевского сельсовета, бывшего коммуниста Д.Н. Ильина, наблюдению которого я и был поручен. Отдельной комнаты я не имел, а помещался за ширмой в комнате хозяев; никуда, ни в какие другие дома без нужды какой-нибудь мелкой не ходил. Если бы я систематически агитировал, то хозяевам моим было бы известно, ввиду условий помещения в таком маленьком поселке. Ежегодно зимой через Киеват проезжали раз до пяти в зиму уполномоченный ГПУ и его помощник. У меня произведен был в первую зиму моей ссылки обыск, в другую зиму лишь осмотр помещения. Каждый раз агенты ГПУ расспрашивали о моей жизни и поведении моих хозяев, и если бы я систематически агитировал во время своей ссылки, то я был бы арестован и привлечен к ответственности много раньше июля сего 31 года. Отдельные же фразы случайных и шуточных разговоров с хозяевами едва ли можно считать агитацией. Газет я не имел и не читал. Свои воззрения по затронутым при допросе вопросам я высказывал уполномоченному Лопаткину. Об этих беседах с ним я, конечно, рассказывал вместе со мной арестованному и содержимому Амвросию Полянскому. Но это тоже не может быть признано агитацией».

14 декабря 1931 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило архиепископа Прокопия к трем годам ссылки в Казахстан. Освободившись в апреле 1934 года, владыка сразу же уехал к матери в Томск, надеясь здесь вылечиться от малярии, которой тяжело заболел, находясь в ссылке. Но климат Томска мало помог выздоровлению. Между тем владыке часто писал один из ближайших к нему херсонских священников, отец Иоанн Скадовский, который отбывал в то время ссылку в городе Камышине Сталинградской области, и приглашал архиепископа к себе.

По дороге в Камышин архиепископ Прокопий заехал сначала в Москву узнать о последних церковных событиях. 16 сентября 1934 года архиепископ приехал в Камышин и поселился у священника Иоанна Скадовского. Но совсем кратким стало его пребывание на воле в этот раз. Через две недели, 2 октября, архиепископ был арестован по подозрению в монархической и антисоветской деятельности. Арест владыки Прокопия был в какой-то мере случаен. НКВД собирался арестовать жившего в ссылке епископа Иоасафа (Попова) и близких ему людей, в это время приехал архиепископ Прокопий – арестовали и его. На допросе 4 октября следователь спросил владыку:

– У кого вы были здесь, в Камышине, кроме Скадовского?

– Из переписки со Скадовским я знал, что в Камышине живет архиерей Иоасаф, и когда приехал в Камышин, познакомился с ним, был у него на

квартире, и он у меня. Когда я был у Иоасафа, то там, кроме меня и Иоасафа, никого не было. Раньше я Иоасафа не знал и о нем не слышал.

– Вы с ним одной ориентации?

– Здесь я выяснил, что мы с ним одной ориентации Патриарха Тихона.

В Рождественский сочельник, 6 января 1935 года, состоялся последний допрос.

– Изложите ваши политические взгляды, – сказал следователь.

– Я считаю себя человеком аполитичным, – ответил владыка, – однако я являюсь убежденным последователем Православной Церкви и, как представитель последней, естественно, не могу относиться безразлично к тому, какая власть существует в стране, – преследующая Церковь или, наоборот, покровительствующая Церкви. Совершенно естественно, что к политическому режиму, который покровительствует деятельности Церкви, у меня больше симпатий, чем к политическому режиму, который преследует Церковь или ограничивает свободу ее деятельности. В этом отношении я разделяю симпатии Скадовского к идее монархической власти, возглавляемой монархом – помазанником Божьим... Должен оговориться, что сказанное мною не означает, что я являюсь сторонником насильственного свержения советской власти и восстановления монархии. Добиваться свержения советской власти и вести в этом направлении какую-либо политическую работу я не считаю для себя возможным, как для представителя Церкви, к тому же я считаю, что идея неограниченной монархии в настоящее время отжила свое время, и наиболее желательным в существующих условиях для меня представляется строй, обеспечивающий полное отделение Церкви от государства и гарантирующий Церкви полную свободу и невмешательство государства во внутреннюю жизнь Церкви.

– Что вы можете сказать по существу предъявляемого вам обвинения?

– С момента моего освобождения из ссылки в апреле 1934 года я никаких деяний против власти и никакой агитации не проводил. Виновным себя ни в чем не считаю.

Через несколько дней, 11 января, следствие было закончено. Архиепископ Прокопий обвинялся в том, что «будучи контрреволюционно настроенным и имея монархические убеждения, примыкал к организованной Поповым контрреволюционной группировке церковников в городе Камышине, куда был специально вызван членом группировки Скадовским».

Священномученик Иоанн родился 30 мая 1874 года в городе Херсоне в семье потомственного дворянина Георгия Львовича Скадовского, предводителя дворянства в городе Херсоне и крупного землевладельца. Георгий Львович имел 14-15 тысяч десятин земли, усадьбу, скот, сельскохозяйственные орудия; часть земли он отдавал в аренду, остальную обрабатывали наемные рабочие, которых в имении был постоянный штат. Дед Ивана Скадовского, штаб-ротмистр Лев Скадовский, в 1867 году основал неподалеку от Херсона на пожертвованной им земле Благовещенский общежительный женский монастырь. При обители был организован приют-школа для десяти дворянских девочек-сирот из Херсонской губернии. Начатое Львом Скадовским строительство монастыря было вполне завершено его сыном Георгием. По свидетельству родственников, Георгий Львович Скадовский был убит на пороге своего дома в 1919 году.

В 1890 году Иван окончил реальное училище, в 1896 – сельскохозяйственное. Два года после окончания учебы он жил в имении отца.

В 1899 году Иван Георгиевич поступил учиться на высшие курсы химии, виноделия и виноградарства в городе Ялте, которые окончил в 1902 году. После этого жил дома на средства отца. С 1906 по 1909 год был земским начальником в Херсонском уезде. В 1909 году ушел в отставку и занялся сельским хозяйством в своей усадьбе, при которой было семьсот пятьдесят десятин земли, сад в двадцать десятин, сорок лошадей, десять коров, шесть волов и всевозможные сельскохозяйственные орудия: двигатель в десять лошадиных сил, жнейки, веялки, косилки и тому подобное. В усадьбе был постоянный штат наемных рабочих в семь-восемь человек, в период сельскохозяйственных работ нанималось до семидесяти человек.

Третий слева Георгий Львович Скадовский (1847-1919), сидит третья от него – его жена Мария Петровна (урожд. Альбрант, 1846-1912), за ее креслом – сын Иван

Приблизительно в это время Иван Георгиевич познакомился с выдающимся архиереем Русской Православной Церкви епископом Херсонским Прокопием (Титовым) и в результате общения с ним стал склоняться мыслию к принятию священного сана. Было к этому и Божие призвание.

Во время Первой мировой войны Иван Георгиевич был мобилизован рядовым в действующую армию и направлен в 457-ю пешую Таврическую дружину. Дружина стояла в городе Херсоне в ожидании отправки на фронт. Но вскоре произошла Февральская революция, и Иван Георгиевич был по возрасту освобожден от службы и вернулся в свое имение.

Пришедшая в результате революции советская власть конфисковала имение, оставив Скадовскому и его семье дом и некоторое количество сельскохозяйственного инвентаря, чтобы можно было заниматься хозяйством, но без использования наемного труда. В 1918 году, решив принять сан священника, Иван Георгиевич раздал все свое сельскохозяйственное имущество крестьянам. Епископ Прокопий был в это время в Петрограде, и Иван Георгиевич уехал в Одессу, где митрополит Платон (Рождественский) рукоположил его в сан священника. По рукоположении он получил назначение в Благовещенский женский монастырь, основанный его дедом, но от назначения отказался и был прикомандирован к архиерейской церкви города Херсона. С 1922 по 1925 год

отец Иоанн служил третьим священником городского собора; в связи с тем, что собор захватили обновленцы, он перешел в храм при кладбище и служил здесь до 1926 года.

Оставив богатство и всякое материальное благополучие, отец Иоанн сделал главным служением своей души Истину, вменяя ни во что все земные удобства. В 1926 году в кладбищенский храм был взят певчий из обновленцев, причем без установленного в то время для этих случаев чина приема. Увидев такое явное пренебрежение к церковным правилам, отец Иоанн ушел из храма и по благословению архиепископа Прокопия стал молиться дома.

В конце 1929 года гонения на Русскую Православную Церковь усилились, и отец Иоанн был арестован. Отвечая на вопросы следователя, священник сказал: «Я придерживаюсь монархических убеждений и считаю наиболее нормальной формой государственного правления – монархию во главе с помазанником Божиим, но не протестую против других форм правления и принимаю их как волю Божию. Советскую власть считаю властью богоборческую, властью сатанинской, которая послана людям за их грехи. Всякие мероприятия советской власти, имеющие целью перекроить жизнь на новых началах, я не одобряю и отношусь к ним отрицательно, поскольку они идут вразрез с моей христианской идеологией. Так я отношусь отрицательно к коллективизации, к пятидневке, ликвидации кулачества как класса и тому подобному. Эти свои взгляды я высказывал в частных беседах верующим... За период с 1928 по 1930 год мною было получено из различных источников значительное количество анонимных посланий религиозно-политического характера, в которых трактовался вопрос об отношении к советской власти и ее мероприятиям, касающихся Церкви. В 1926 году я ездил в Москву с целью получить свидание с архиепископом Прокопием. В 1928 году я ездил в Кемь для свидания с архиепископом Прокопием, но неудачно, так как свидания не получил. Моя жена Екатерина Скадовская ездила к архиепископу Прокопию в Обдорск в 1928 году и в 1930 году, чтобы передать ему облачение и посылки. На обратном пути, где-то около Тобольска она была арестована, и я с ней с тех пор больше не виделся».

В 1931 году отец Иоанн был приговорен к пяти годам заключения и отправлен в Вишерские лагеря, где пробыл до февраля 1933 года, когда власти заменили ему концлагерь ссылкой с прикреплением к определенному месту жительства. Так он оказался в городе Камышине Сталинградской области. 1 октября 1934 года отец Иоанн снова был арестован. На допросах он держался мужественно и просто.

Следователь спрашивал:

– Чем вы занимались перед тем как вас арестовали в городе Камышине?

Священник ответил:

– Ничем определенным я не занимался, существовал я на то, что собирал милостыню. Кроме того, мне из Херсона присылали посылки.

– Чем объяснить, что вы, человек со специальным высшим образованием, занялись сбором милостыни, а не попытались поступить на работу, соответствующую вашим знаниям?

– Во-первых, я стар и болен, и работать мне трудно. Во-вторых, поступив на какую-либо ответственную работу, я тем самым должен был бы содействовать утверждению социалистического строя, который враждебен Церкви и в конечном счете преследует задачу ее полного уничтожения.

– Что вы можете сказать по существу предъявленного вам обвинения?

– Мне предъявлено обвинение в ведении контрреволюционной пропаганды, возможно, что я что-либо и говорил несовместимое с лояльным отношением к советской власти, однако делал я это необдуманно и несерьезно. Конкретных случаев я сейчас припомнить не могу. Мои представления об идеальном социально-политическом строе не совпадают с идеями, лежащими в основе советской государственности. Добиваться, однако, осуществления своих идеалов путем политического переворота я не считаю для себя возможным. Тот общественный строй, который я считаю идеальным, возможен только при восстановлении в обществе патриархальных отношений. Между тем, независимо от характера тех политических группировок, которые могли бы прийти к власти в случае политического переворота, возрождения патриархальных отношений не произошло бы, и установившийся строй был бы мне одинаково чужд.

– Что вы имеете в виду под идеальным социально-политическим строем?

– Я имею в виду теократическое государство, то есть строй, при котором в главе общества стоит пользующийся неограниченным авторитетом вождь, представляющий на земле волю Бога и сосредоточивающий в своих руках регулирование всех общественных функций. Из исторических примеров наиболее совершенным, на мой взгляд, является государство древних евреев, с его царями и пророками.

– Как вы относитесь к дореволюционной России?

– Я националист и люблю Россию. Я люблю Россию в том виде, в каком она существовала до революции, с ее мощью и величием, с ее необъятностью, с ее завоеваниями. Происшедшее после революции дробление России, и в частности выделение Украины, Белоруссии и так далее, я рассматриваю как явления политического упадка, тем более печального, что для этого дробления нет никаких оснований. Украинцы и русские всегда составляли единое целое. Украинцы и русские один народ, одна нация, и выделять Украину в какой бы то ни было форме из общего целого нет никаких оснований.

– Как совместить ваше утверждение, что вы убежденный христианин – противник насилия, с вашим заявлением, что вы любите Россию в ее старом виде, с ее завоеваниями, то есть плодами насилия, совершенного над целыми народами?

– Это, конечно, не логично, но я человек, и мне не чужды человеческие слабости. Кроме того, не все территориальные приобретения России должны рассматриваться как факты насилия. К такому, например, акту, как участие в разделе Польши, определение насилия применено быть не может. Польша в XVIII веке представляла угрозу международному спокойствию, и действия против нее России, Австрии и Пруссии являлись актами самообороны, обеспечивающими общественный порядок в Восточной Европе. Должен сказать, что теперь, когда Польша не представляет угрожающего международному спокойствию фактора, я являюсь сторонником ее независимости. Если я, как русский человек, являюсь противником выделения Украины в особое национальное формирование, то выделение из России Польши после революции я, наоборот, приветствую.

– Говоря, что вы любите дореволюционную Россию, вы как на черты, вызывающие у вас симпатии к ней, указали на обстоятельства в основном внешнего порядка ее международного положения. Что вы можете сказать о внутреннем строе царской России и вашем отношении к нему?

– Лежащую в основе российского монархического строя идею сосредоточения у императора – помазанника Бога неограниченной власти я

рассматриваю как идею положительную. В этом смысле дореволюционный строй России близок моим представлениям об идеальном общественном строе, и я являюсь его сторонником. Должен, однако, оговориться: во-первых, если я являюсь сторонником российской монархии, то это не значит, что я сторонник монархии вообще. Я сторонник такой монархии, в которой монарх является именно помазанником Бога. Такие, например, монархии, как бывшая Германская империя или Испанское королевство, где монархи – не помазанники, мне чужды. Во-вторых, являясь сторонником русского монархического строя, я отнюдь не являюсь сторонником тех извращений и искажений лежавшей в его основе идеи, которые имели место на практике. Я имею в виду подчинение государству Церкви, погоню представителей государственной власти за личным благополучием в ущерб благосостоянию масс, падение национального русского духа и так далее. Эти обстоятельства являются следствиями извращений монархического строя, но самой монархической идеи, как таковой, порочить не могут. Строй монархический тут не при чем. Извращения эти являлись результатом исторического падения нравственности в России, приведшей в конце концов к появлению в России враждебных монархии политических течений и образованию антимонархических партий социал-демократов, социалистов-революционеров и так далее и к свержению монархии революцией.

17 марта 1935 года Особое Совецание при НКВД СССР приговорило архиепископа Прокопия и священника Иоанна Скадовского к пяти годам ссылки в Каракалпакию в город Турткуль, куда они прибыли 7 мая того же года. Поселились они в одном доме. Вскоре к ним приехала жена отца Иоанна, Екатерина Владимировна, отдавшая всю свою жизнь помощи ссыльному духовенству. Два года прожили здесь архиепископ и священник. Они устроили в доме небольшую церковь и часто служили, не отказывая и тем из живших в поселке, кто желал исповедаться или причаститься. И народ потянулся в убогую келью подвижников за мудрым советом и духовным утешением.

Наступило лето 1937 года, когда распоряжением советского правительства все исповедники православия были обречены на смерть. Уполномоченные НКВД стали собирать через осведомителей сведения о ссыльных, вызывая их затем на допросы в качестве «дежурных свидетелей». Один из таких «свидетелей» показал: «Будучи религиозным, я случайно узнал, что в городе Турткуле по Чимбайской улице в доме № 40 организована молельня, в которой происходит богослужение. В один из воскресных дней в начале августа 1937 года я отправился в эту молельню для того, чтобы прослушать литургию. Прежде чем допустить меня в церковь, священник Скадовский спросил меня, давно ли я говел, и когда я ему ответил, что лет десять тому назад, то на литургию меня не допустил, а предложил в один из ближайших дней прийти на исповедь. Через несколько дней я пришел на исповедь, и Скадовский, допустив меня в молельню, стал меня исповедовать. Во время исповеди Скадовский вел контрреволюционную агитацию... После окончания исповеди в доме, где живут Титов и Скадовский, тут же при молельне, оба они в моем присутствии продолжали вести контрреволюционную агитацию, убеждать меня в том, что единственная законная власть – это монархический строй, что советскую власть признавать не нужно, а надо против нее всячески бороться. В целях того, чтобы их контрреволюционная деятельность не была раскрыта органами советской власти, Титов и Скадовский в присутствии нескольких лиц вести контрреволюционную

агитацию остерегаются и предпочитают обрабатывать верующих в контрреволюционном духе один на один.

Ввиду того, что я, хотя человек и религиозный, но придерживаюсь той группы церковников, которые признают советскую власть, то решил сообщить об этом органам НКВД, что и сделал».

24 августа 1937 года архиепископ Прокопий и священник Иоанн Скадовский были арестованы.

Хотя допросы в то время проводились с применением пыток, архиепископ и священник держались мужественно.

– Вы обвиняетесь в том, что вместе со священником Скадовским организовали в городе Турткуле нелегальную молельню, в которой вели контрреволюционную монархическую агитацию. Признаете ли в этом себя виновным? – спросил следователь.

– Нет, не признаю, так как контрреволюционной агитации я никогда не вел. Проживая в городе Турткуле вместе со священником Скадовским, я действительно принимал участие при совершении им богослужений. В беседах с приходившими к Скадовскому верующими я действительно вел пропаганду, но исключительно религиозного содержания.

При допросе священника Иоанна Скадовского следователь сказал ему:

– Вы обвиняетесь в том, что вместе с архиереем Титовым организовали в городе Турткуле нелегальную молельню, в которой среди верующего населения проводили контрреволюционную монархическую агитацию; признаете ли в этом себя виновным?

– Нет, не признаю и по существу дела показываю, – отвечал отец Иоанн, – совершал религиозные обряды и богослужения я в своей квартире, причем при богослужении действительно облачался в ризы. При совершении мной богослужения иногда, кроме моей жены и архиерея Титова, присутствовали и посторонние верующие, желавшие помолиться. По просьбе приходивших ко мне верующих я действительно совершал религиозные таинства: исповедь, крещение, служил молебны, панихиды... За отправление этих треб верующие, правда, не всегда платили мне деньги. Даваемые мне верующими деньги я рассматривал не как плату за требы, а как помощь. Контрреволюционной агитации я никогда и нигде не вел.

– Следствием установлено, что при совершении таинства исповеди вы исповедующимся задавали вопросы о том, не примыкали ли они к обновленческому движению, причем, пропагандируя против обновленцев, вы говорили, что одним из основных вопросов разногласий с ними является то обстоятельство, что они признают советскую власть. Признаете ли вы это?

– При совершении таинства исповеди я задавал вопросы о том, не посещали ли они молитвенных учреждений не нашего направления. Никакой пропаганды против обновленцев я не вел и о разногласиях моих с обновленцами среди верующих не рассуждал.

– Зачитываю вам показания свидетельницы, избличающей вас в том, что вы вели систематическую контрреволюционную монархическую агитацию. Признаете ли вы это?

– Нет, не признаю и заявляю, что контрреволюционной агитации я никогда и нигде не вел.

Через месяц следствие было закончено. Обвинительное заключение гласило: «Прибыв в ссылку в город Турткуль... Титов... и Скадовский...

организовали нелегальную молельню, в которой занимались совершением религиозных обрядов и сколачиванием религиозной контрреволюционной группы...»

Еще через месяц, 28 октября, Тройка НКВД приговорила архиепископа Прокопия и священника Иоанна к расстрелу. 23 ноября 1937 года архиепископ Одесский и Херсонский Прокопий (Титов) и священник Иоанн Скадовский были расстреляны и погребены в безвестной общей могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский)
«Мученики, исповедники и подвижники благочестия
Русской Православной Церкви XX столетия.
Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5»
Тверь. 2001. С. 341-364

Библиография

Томские епархиальные ведомости. 1903. № 2. С. 45; № 20. С. 24-25; 1905. № 12. С. 15-18; № 14. С. 29.

Прибавление к Иркутским епархиальным ведомостям. 1909. № 23. С. 537-545.

Волынские епархиальные ведомости. 1913. № 44. С. 801; 1914. № 8. С. 122-123; № 34. С. 576-577.

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-3677. Т. 2, л. 158; Т. 3, л. 473-а; Т. 4, л. 82.

Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Арх. № 2612. Л. 6-9, 26-29, 34-35, 39, 65-66, 76.

Архив Общественных Организаций Украины. Арх. № 65744. Т. 16.

Архив УФСБ РФ по Волгоградской обл. Арх. № 22319-ПФ. Л. 83, 87-92, 142-143, 153-154, 159.

Архив КГБ Узбекистана. Арх. № П-35209. Л. 8, 10-15, 19-20, 24-26.

Примечания

¹ Там же. С. 193-194.

² Прибавление к Иркутским епархиальным ведомостям. 1909. № 23. С. 537.

³ Волынские епархиальные ведомости. 1913. № 44. С. 801-802.

⁴ Там же. 1914. № 34. С. 577.

⁵ Там же. № 41. С. 689-690.

⁶ Архиепископы Прокопий (Титов) и Николай (Добронравов), епископы Амвросий (Полянский), Парфений (Брянских), Дамаскин (Цедрик), Герман (Ряшенцев) и Гурий (Степанов) обвинялись в том, что они «составили так называемый "Даниловский синод" и служили в качестве такового проводниками всех указаний двух бывших обер-прокуроров – Самарина и Саблера, устраивая совещания и советы между собой для обсуждения вопросов практического проведения самарино-саблеровской линии, как например, в вопросе об оставлении Киевской митрополичьей кафедры за белогвардейским эмигрантом Антонием Храповицким; для обсуждения и корректирования готовящихся к выпуску документов митрополита Петра, как например, декларации, и в придании этим документам антисоветского характера; для сообщения и распространения сведений о движении эмигрантской части церкви, зачитки контрреволюционных документов, для обсуждения вопросов о воздействии на непокорных самарино-саблеровской указке, как например, о воздействии на митрополита Михаила и т. п., проделывая всё это для отвода глаз или за обедом, или тотчас после него».

⁷ Имеется в виду великий князь Кирилл Владимирович, двоюродный брат императора Николая II. В феврале 1917⁷ года, еще до отречения императора от престола, он встал на сторону мятежников. В 1924 году, находясь в эмиграции, объявил себя императором Кириллом I.

⁸ Подробно об этом см. «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия». Кн. 2. Тверь, 1996. С. 350.

⁹ Одним из условий легализации Русской Православной Церкви было осуждение ею заграничного духовенства за его политическую деятельность.